

ИСЛАМ И ВЛАСТЬ В ДАССР В 1953–1964 гг.

В пропагандистской терминологии партийно-советских органов в отношении мусульманской религии непременно и постоянно использовалось слово «пережитки», и поэтому необходимо дать первоначальное пояснение, что же подразумевалось под ним авторами атеистической литературы.

1. «Пережитки» широкого проявления и исполнения. К ним были отнесены такие, как мусульманский похоронный обряд, сунет (обрезание), шариатский брак, консервативный взгляд на учебу девушек в старших классах и ВУЗах, на их участие в общественных мероприятиях, пренебрежительное, феодально-патриархальное отношение к женщине, которые проявлялись как у верующих, так и у не причислявших себя к последователям ислама.

2. «Пережитки», характерные для верующей части сельской молодежи. К ним были отнесены такие обряды, праздники и традиции ислама, как ураза, Ураза-байрам, Курбан-байрам, культ святых мест, вера в святость Корана и др.

3. «Пережитки» единичного проявления, присущие отдельным верующим людям. Это такие, как намаз, посещение мечети, молитва до и после еды, изучение Корана, пропаганда религиозных взглядов, участие в религиозных группах и т.д. (Макатов И.А., Гамзаев Ш.Г., Муслимов С.Ш., 1977. С. 116).

В начале 1953 г. органы МВД ДАССР зафиксировали активизацию в республике духовенства в деле религиозной пропаганды, а также усилении паломничества в святые места. (Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991). Документы и материалы. 2007. С. 174).

Отношения религиозно настроенной части населения республики и светской власти имели непростой характер. Показателен пример муллы из поселка Дагестанские Огни Султанова Магомед-Эмина, который в 1953 г. после смерти И.В. Сталина заявил: «Единственным предводителем у нас остается Аллах. Умер Сталин – это очень хорошо, хотя бы скорее умерли его продолжатели. Тогда было бы очень хорошо» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 97. Л. 20).

На 1 января 1954 г. в республике значилось зарегистрированных религиозных обществ: мусульманских – 26, иудейских – 2, т.е. 26 мечетей и 2 синагоги, кадиев и муэдзинов – 53, раввинов – 3. Посещаемость мечетей за 1951 – 1953 гг. практически не изменялась, но зависела от сезонности года: осенью и зимой количество посещавших мечеть увеличивалось, а весной и летом сокращалось, что было связано с сезонностью полевых работ. Например, в с. Доргели Карабудахкентского района, где имелось 800 хозяйств и мечеть действовала с 1946 г., мечеть посещало около 320 человек, а в летнее время – 100–150, в основном старики.

В городах посещаемость мечетей характеризовалась следующими показателями:

Таблица 1.

	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Махачкала	460	640	660–700
Буйнакс	600	490	600–550
Хасавюрт	250	265	265–350

В 1954 г. количество посещавших Махачкалинскую мечеть в обычные дни составляло 20–30 человек, в пятничные дни – 700–750, в дни Ураза-байрама и Курбан-байрама

численность пришедших на праздничный намаз доходила до 900–1000 человек (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 555. Л. 116–118).

В Дербенте с 1945 г. имелось зарегистрированное религиозное общество, членами которого в основном являлись мусульмане-шииты, посещавшие мечеть преимущественно в праздничные и траурные дни.

В 1953 г. шиитский религиозный праздник шахсей-вахсей проходил с 10 по 21 сентября. Пик посещаемости мечети достигал 20 сентября:

Таблица 2.

	Мужчины	Женщины
Утром	3500	3000
Вечером	4000	3000

(ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 555. Л. 119)

Религиозность верующих также характеризовалась количеством совершенных религиозных обрядов. В Махачкале во 2 полугодии 1953 г. таких обрядов, как похороны, бракосочетание, мавлид, обрезание и т.д., было совершено около 800. За этот же период в Махачкале по шариату заключили брак около 40 пар против 30 за 1-е полугодие, в Дербенте за этот же срок шариатский брак заключили 35 пар (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 555. Л. 120).

Одним из массовых видов исполнения религиозных культов являлись обряды, связанные с мусульманским праздником Курбан-байрам. В 1953 г. Курбан-байрам отмечался 11 августа. Советские и коммунистические органы в преддверии праздника провели культурно-массовые мероприятия и агитационно-разъяснительную работу, направленные на предотвращение убоя скота. Кроме того, со стороны ДУМСК накануне праздника было написано извещение всем членам ДУМСК и кадиям действующих мечетей о необязательности отмечать Курбан-байрам жертвоприношением крупного или мелкого скота. Несмотря на все это убой скота со стороны верующих имел место. В Буйнакске 165 хозяйств, Махачкале – 367 хозяйств, в Хасавюрте – 125 хозяйств, в селах предгорной части республики около 25 – 30% хозяйств, селах горных районов – 30–40% хозяйств отмечали Курбан-байрам жертвоприношением (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 555. Л. 122).

В связи с наступлением времени мусульманского поста уразы и.о. председателя ДУМСК М.Г. Курбанов написал в 1953 г. всем кадиям письмо, где говорилось: «Соблюдение поста уразы не является обязательным для всех, так как соблюдать пост может лишь тот, кто не работает в колхозах, совхозах, МТС, на фабриках и заводах, в учреждениях; иначе говоря, тот, кто не связан с производством вообще, причем в Коране запрещается держать уразу путешественникам и больным ...»

В отношении Курбан-байрама говорилось, что ни в коем случае нельзя производить убой крупного или мелкого рогатого скота без официального на то разрешения ветврача.

Кроме того, ДУМСК в начале августа 1953 г. провело расширенное заседание из числа членов ДУМСК, которое приняло обращение ко всем верующим мусульманам бороться с лжешейхами, мюридизмом, знахарством, гадалками.

Данное обращение было одобрено руководством республики и по указанию Обкома КПСС и руководства СМ ДАССР, было издано в виде брошюры на 3 языках (аварском – 500 экземпляров, кумыкском и даргинском по 300 экземпляров) (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 555. Л. 124–125).

Также массовый характер в рассматриваемый период носило паломничество к святым местам, что могло рассматриваться и как суррогат обязательного паломничества в Мекку (хаджа), и как форма проявления своей религиозной принадлежности, как заместитель других обрядов, не имевших связи с каноническим хаджем.

На 1953 г. в республике имелось более 70 зияратов и могил шейхов, из которых наиболее известными являлись:

1. зиярат Абдурахмана Согратлинского в с. Нижнее Казанище Буйнакского района;
2. зиярат Ильяса Цудахарского в с. Параул Карабудахкентского района;
3. зиярат в с. Ахульго Унцукульского района, куда собирались верующие из ряда районов республики, особенно верующие из горных и предгорных районов.

Например, по данным ДУМСК, в ночь с 29 на 30 апреля 1953 г., т.е. в ночь Бараат, в с. Ахульго Унцукульского района собралось более 500 человек, из них 10 мужчин и 490 женщин, которые прибыли из Унцукульского, Гумбетовского, Хунзахского, Ботлихского районов.

В этот вечер в с. Параул на зиярат собралось более 800 человек, из них 300 мужчин и 500 женщин, которые приехали из Карабудахкентского, Каякентского, Левашинского, Акушинского, Цудахарского, Хасавюртовского районов, Махачкалы, Буйнакса (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 87. Л. 215).

В с. Нижнее Казанище Буйнакского района собралось более 200 человек, в т.ч. 30 мужчин и 170 женщин.

Верующие приезжали на зияраты на грузовых машинах, взяв с собой продукты питания, резали скот, устраивали обеды.

В числе занимающихся «шайхизмом» лиц имелись и несколько женщин: Мурза-Гаджиева Рукият в с. Ая-Махи Левашинского района, Патимат в с. Балахани Унцукульского района и др. Данные женщины занимались знахарством и деятельностью устаза, т.е. имели своих мюридов, что противоречило мусульманскому вероучению (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 87. Л. 216).

Наиболее известными на 1953 г. среди занимающихся суфийской практикой – «шайхизмом» являлись:

1. Молладибиров Джамалутдин, 80 лет, с. Ичичали Андалалского района.
2. Алиев Раджаб, 48–50 лет, с. Ансалта Ботлихского района.
3. Пайзутдинов Далгат, 60 лет, с. Цолота, Ахвахского района.
4. Гусейнов Магомед, с. Гоготль, Кахибского района.
5. Османов Ахмед, 60 лет, с. Нижнее Чугли, Левашинского района.
6. Магомедов Гусейн, 60 лет, с. Какашура Карабудахкентского района (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 96. Л. 47).

В связи с допущенными перегибами в богоборческой деятельности вышло опубликованное в «Дагестанской правде» 13 ноября 1954 г. постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г. В постановлении говорилось о наличии грубых ошибок в научно-атеистической пропаганде, оскорбительных выпадах в адрес верующих и духовенства, фактах административного вмешательства в дела духовенства.

ЦК КПСС постановил «обязать обкомы, крайкомы КПСС, ЦК Компартий союзных республики, все партийные организации решительно устранить ошибки в атеистической пропаганде и впредь ни в коем случае не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в деятельность церкви. Исправление ошибок, допущенных в антирелигиозной пропаганде, – подчеркивал секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, – не должно привести к ослаблению научно-атеистической пропаганды, являющейся составной частью коммунистического воспитания трудящихся и имеющей своей целью распространение научных, материалистических знаний в массах и освобождение верующих людей из-под влияния религиозных предрассудков». (Дагестанская правда. 1954. 13 ноября).

И ослабления атеистической пропаганды не последовало. За 1954 г. дагестанским отделением Всесоюзного общества по распространению политических знаний (насчитывавшего в 1955 г. 1814 членов) было прочитано 8109 лекций, а за 6 месяцев 1955 г. – 4469 лекций (Дагестанская правда. 1955. 28 августа).

Однако в Акушинском районе за 1956 г. на естественнонаучные и атеистические темы было прочитано всего 5 лекций, такое же положение было в Дахадаевском, Ботлихском, Гумбетовском, Казбековском, Шурагатском районах (ЦГА РД. Ф. р-1252. Оп. 1. Д. 14. Л. 93).

Участвуя в атеистической пропаганде, Министерство культуры ДАССР издало приказ от 20 августа 1954 г. №190/3, который предписывал отделам искусств, культпросветработы министерства пополнить репертуар театров, коллективов художественной самодеятельности пьесами и другими произведениями искусства, разоблачающими «вредные предрассудки капитализма, религии, адата, шариата, алкоголизма» (ЦГА РД. Ф. р-1252. Оп. 1. Д. 3. Л. 7).

Вопрос атеистической работы не обошел и дагестанскую школу. М. Абдуллаев, кандидат философских наук, старший преподаватель областной партийной школы, в статье «В чем же главная причина?» сетовал на недостаточное внимание школы на атеистическое воспитание учащихся, указывая, что некоторые родители неправильно воспитывают детей в религиозном отношении, а также прививают девочкам «дух преклонения перед мужчинами» (Дагестанская правда. 1958. 19 марта).

Также в печати велась активная идеологическая работа, направленная против празднования Курбан-байрама. Так, в статье «О реакционной сущности Курбан-байрама», опубликованной в «Дагестанской правде», автор А. Джамалудинов назвал этот мусульманский праздник одним из наиболее вредных религиозных пережитков. Вред от праздника автором виделся в отрыве от работы сельхозработников и в бесцельном истреблении скота. Подчеркивалась необходимость пропаганды комсомольскими и профсоюзными организациями отказа от исполнения обрядов Курбан-байрама, особенно в Агульском, Ботлихском и Унцукульском районах (Дагестанская правда. 1954. 30 июля).

Несмотря на проделанную пропагандистскую работу, в 1955 г. в 20 населенных пунктах Дагестана было зарезано в день Курбан-байрама 40 голов крупного рогатого скота и 370 голов мелкого, а в 1956 г. в 21 населенном пункте было зарезано 59 голов крупного рогатого скота и 728 голов мелкого, что, по мнению советских и партийных органов, являлось большими непроизводительными расходами и наносило ущерб народному хозяйству (Хашаев Х.-М., 1957. С. 15).

В 1956 г. на праздник Бараат (ночь предопределения) на зиярат селения Параул приехало до 750 мужчин и женщин, где было собрано 2643 рубля пожертвований. На зиярат в Нижнее Казанище собралось свыше 200 человек и собрано 1300 рублей пожертвований. Указанные зияраты посещали в основном жители равнинного Дагестана.

В Махачкале в эту ночь на богослужении присутствовало более 700 мужчин и не менее 500 женщин, собравших 3032 рубля пожертвований, в Буйнакске собралось более 1500 человек (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1058. Л. 7–8).

Несмотря на антирелигиозную политику государства, население республики не оставляло попыток достижения возможности открытой реализации своих религиозно-духовных потребностей.

В 1956–1957 гг. в с. Уллубий-аул Ленинского района проходило широкое движение, направленное на открытие мечети при активном противодействии властей. Ученик Гасанбеков Абдулабек был исключен из школы как «неисправимый хулиган», который призывал учащихся молиться богу и не повиноваться учителям (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1345. Л. 21–29), что являлось вызывающим фактором, так как партийно-советские органы рассматривали школу как зону своей исключительной юрисдикции в сфере идеологического воспитания молодежи.

Так, С. Бакриев, заведующий сектором отдела пропаганды Обкома КПСС, в статье «Улучшать атеистическую пропаганду» указал на ведущую роль школы в воспитании подрастающего поколения в духе «подлинно научной, коммунистической» идеологии (Дагестанская правда. 1956. 10 апреля).

Впоследствии в 1963 г. в Уллубий-ауле был самовольно построен молитвенный дом за счет средств колхоза и самообложения населения, причем участие в этом приняли председатели колхоза и сельского Совета (Дагестанская правда. 1963. 23 ноября).

Желая реализовать свои потребности, верующие иногда прибегали к попыткам договориться посредством материальной заинтересованности. Так уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ ДАССР Гасанов Хияс получил от верующих с. Игали Унцукульского района 4000 рублей, обещая открыть у них мечеть, но разрешения не дал. Аналогичный факт имел место в с. Батлук Кахибского района, где он получил 3600 рублей денег, а также 2 туши сушеного мяса и 3 пуда пчелиного меда (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1345. Л. 52).

Без ведома местных властей и Совета по делам религиозных культов, в 1959 г. были построены молитвенные дома в Буйнакске и Махачкале, которые впоследствии были снесены решениями горисполкомов (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1691. Л. 81).

Посещение молитвенных домов и мечетей в 1958 г. характеризуется следующими данными:

Таблица 3.

	Населенный пункт	Обыкновенные дни	Пятничные дни	Дни рел-х праздников
1	Буйнакск	250	1080	1500
2	Махачкала	50	1200	1500
3	Дербент	30	400	850
4	Хасавюрт	70	1100	1000
5	Нижнее Казанище	70	410	486
6	Кадар	20	285	250
7	Цудахар	60	185	200
8	Леваши	66	170	200
9	Акуша	14	200	180
10	Мюрего	30	196	130
11	Уркарах	20	85	80
12	Аксай	45	130	130
13	Аргвани	15	205	250
14	Ботлих	30	187	250
15	Анди	70	150	160
16	Муни	50	130	180
17	Хуштада	65	235	250
18	Аракани	25	80	70
19	Гимры	25	300	320
20	Балахани	20	120	150
21	Кахиб	35	110	220
22	Телетль	50	86	160
23	Дургели	45	215	340
24	Параул	30	190	190
25	Какашура	60	350	350
26	Мехельта	70	350	280
27	Губден	50	300	360
28	Тарки	20	215	100
29	Уллубий аул	–	–	–

(ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1495. Л. 23).

Усиление религиозной активности населения уполномоченный по делам религиозных культов при СМ ДАССР М-С. Гаджиев в отчете на имя председателя Совета по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузина объяснял таким образом:

1) что многие районные и сельские организации неправильно поняли постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Они резко ослабили антирелигиозную пропаганду среди населения;

2) вместо терпеливой работы с верующими в некоторых местах проявляли администрирование. Например, в с. Тебек-Махи Акушинского района Магомедову Меджиду угрожали арестом и большими налогами за ходатайство от верующих на открытие мечети;

3) религиозной активностью «бродячих мулл» (всего более 500 человек), которые в нарушение постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» открыто проповедуют необходимость посещения мечетей женщинами и детьми;

4) тем, что здания, где ранее помещались мечети и духовные общества, не все были заняты под культпросветучреждения или же под нужды колхоза, давая тем повод просить о восстановлении их прежнего религиозного статуса;

5) распространению религиозности, считал Гаджиев, способствует нахождение в Буйнакске ДУМСК;

6) паломничеством на зияраты и проводимыми там обрядами (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1495. Л. 24–27).

Действуя в угодном властям ключе, муфтий ДУМСК Курбанов Магомед-Хаджи, а также его заместитель Абдуллаев в конце 1958 г. издали фетву о запрете посещения зияратов и резания скота, а также обещали уполномоченному по делам религиозных культов при СМ ДАССР М-С. Гаджиеву стараться прекратить деятельность зияратов (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1495. Л. 107, 110).

Член общества по распространению политических и научных знаний И. Макатов в статье «Курбан-байрам и его вред» критиковал данный религиозный праздник, считая, что он наносит верующим большой материальный ущерб, притупляет их сознание, отрицательно влияет на личную жизнь и общественное производство.

В день Курбан-байрама в республике усиливалось паломничество к святым местам. Такие паломничества ежегодно совершались к могилам шейхов Омара-хаджи в с. Анди Ботлихского района, Ильяс-хаджи Цудахарского в с. Параул Карабудахкентского района, Абдурахмана Согратлинского в с. Нижнее Казанище Буйнакского района.

Особым почетом в это время пользовались могилы 16 шейхов в с. Утамыш и Гаша Каякентского района. Эти могилы в 1958 г. в течении 3–4 дней посетили от 600 до 2000 человек, в основном из Карабудахкентского, Каякентского, Левашинского, Сергокалинского, Буйнакского, Кайтагского и других районов и городов Махачкалы, Каспийск, Буйнакск и Избербаша (Дагестанская правда. 1959. 10 июня).

В 1959 г. на территории республики, помимо 29 официально зарегистрированных мусульманских мечетей, продолжало функционировать около 40 самочинно открытых мечетей и молитвенных домов.

В целях разложения нелегально действующих религиозных объединений и групп, компрометации их руководителя, в контакте с партийно-советскими органами КГБ провел более 14 мероприятий профилактического характера: предупреждения, беседы, обсуждение действий отдельных лиц на собраниях общественности, обнародование компрометирующих поступков отдельных духовных лиц через печать, радио, в лекциях.

В целях прекращения массового паломничества и снижения религиозной активности через ДУМСК, было подготовлено и разослано ко всем кадиям действующих мечетей письмо, в котором, ссылаясь на аяты Корана, показывалась нелепость посещения зияратов, представители ДУМСК направлялись на зияраты, где выступали перед верующими с критикой практики их посещения.

В республиканских и национальных газетах были размещены критические статьи на Арсланалиева, который открыл посещение утамышского и гашинского зияратов. В целях

дискредитации проповедника Алиева Раджаба из селения Ансалта Ботлихского района в газете «Красное знамя» была опубликована критическая статья «Летающий шейх» в гостях у «метлы адатов», а также выступления представителей ДУМСК в мечетях Ботлихского и Цумадинского районов, разоблачающие его суфийскую практику как противоречащую исламу. По свидетельству жителей Ансалты, деятельность Р. Алиева больше находила поддержку за пределами села, нежели в нем самом.

Всего в печати за 1959 г. было опубликовано свыше 20 статей, направленных на прекращение практики посещения зияратов (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1696. Л. 1–6).

Действуя в полном соответствии с позицией Совета по религиозным культурам ДАССР, на собрании жителей с. Утамыш Каякентского района с критикой мусульманского духовенства и святых мест (зияратов) выступили Хадулов Минаш (возраст 100 лет), Мамалаев Бахмуд (старше 90 лет), Аджакоев Магомед (85 лет). Выступавший Саидов Ш. подчеркнул, что паломничество верующих к зияратам было прекращено еще 20 лет назад, а сейчас инородец Ханапи, нарушая советские законы, занял колхозную землю и устраивает паломничество, причем сами утамышцы зиярат не посещают. Ш. Саидов в конце выступления предложил закрыть зиярат, вопрос был поставлен на голосование и одобрен собравшимися. Утамышский зиярат был закрыт (Дагестанская правда. 1959. 18 ноября).

В это же время аналогичное собрание прошло среди жителей с. Параул Карабудахкентского района секретарь партийной организации К. Мусаев в своем выступлении перед собравшимися говорил об отсутствии пользы от зиярата Ильяс-устаза, что множество людей ежегодно отрываются от колхозной и иной общественной работы, что паломничество верующих отравляет сознание подрастающего поколения, и подчеркнул, что сами параульцы уже давно не посещают зиярат.

Выступившие 66-летний Ш. Абакаров, 75-летний Н. Изиев, 75-летний А. Атлигишиев и 74-летний Б. Хангишиев также критиковали практику паломничества за сбор денег, примерно 7–10 тысяч рублей ежегодно, которые увозил муфтий, и поддержали закрытие зиярата.

Кадий села И. Исмаилов на собрании сказал, что не имеет к зиярату никакого отношения, и что он, следуя Корану, призывал параульцев ходить только в мечеть.

В итоге сельский сход селения Параул принял решение:

1. Ввиду того, что зиярат находящийся в селении Параул, приносит вред колхозному производству, общественной жизни, затуманивает сознание жителей села, особенно подрастающего поколения, – закрыть его.

2. Поручить исполкому сельского Совета израсходовать имеющееся в зиярате имущество на общественные нужды с. Параул.

3. Оповестить верующих о том, что зиярат в селе Параул закрыт.

Также был закрыт «зиярат святого Мустафы» находившийся в местечке Иркай около селения Цудахар. Открытый незадолго до этого зиярат местными жителями Нуровым, Джабраиловым, Муртазалиевым и кадием Ашуралаевым Н. был объявлен могилой умершего от дизентерии турецкого интервента, строение над зияратом было снесено, паломничество к могиле прекращено.

В осуществление данных мероприятий в Дагестанской правде было опубликовано обращение сына шейха Магомеда Балаханского, который заявил, что хотя фамилия его отца и была Шейхов, но шейхом он не был, и посещение могилы его отца – дело бесполезное (Дагестанская правда. 1959. 12 декабря).

Аналогичный сельский сход, посвященный святым местам, прошел в с. Нижнее Казанище Буйнакского района, где был похоронен шейх Абдурахман Согратлинский. Выступившие на сходе члены совета старейшин Абсаламов Саладин, Ибрагимов Бадрутдин, Дибиров Шапи, Багаутдинов Абдул, комсомолец Джалалов Мамаш и другие высказались с критикой личности Абдурахмана Согратлинского, который был назван врагом дагестанского народа, а также паломничества к его зиярату (Дагестанская правда. 1959. 26 декабря).

В итоге мероприятий, проведенных КГБ и партийно-советскими органами, в республике к 1960 г. было прекращено посещение всех 70 могил шейхов, закрыто 30 незарегистрированных мечетей. Также сократилось количество заявлений об открытии мечетей. Если в 1958 г. имелось – 30 заявлений, 1959 г. – 16, то на июль 1960 г. – ни одного (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1691. Л. 82).

Наиболее острый характер в рассматриваемый период носили взаимоотношения партийно-советских органов власти с суфийскими группами Амая и Кунта-хаджи.

Инициатором возобновления в 1960 г. суфийской группы Хедерлезова Арсанукая (шейха Амая) явился Каскураев Бебулат, 1886 г.р., уроженец селения Доргели Ленинского района, и дочь А. Хедерлезова Абукаева Хава, которая в личной беседе с Темирбулатовым Алаутдиновым заявила, что явившийся ей во сне ее отец хочет, чтобы Темирбулатов стал продолжателем его дела. Уволенный из органов КГБ, впоследствии осужденный в 1947 г. за хищение хлебобудовых продуктов на 12 лет, Темирбулатов Алаутдин, 1924 г.р., стал руководителем суфийской группы. В данную группу входило около 60 мужчин и женщин, в основном жителей Махачкалы, Тарки, Ленинкента, сс. Уллубий-аул, Какашура, Доргели, Верхнее Казанище Ленинского района, Герменчик и Аксай Хасавюртовского района, регулярно проводивших встречи в числе 5–12 и более лиц (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2422. Л. 129–133).

Мюриды, последователи шейха Амая, были оппозиционно настроены против официальной части духовенства, считая, что официальное духовенство, выступая как представитель органов власти, перестало быть истинными мусульманами. Между членами ДУМСК и мюридами имелись частые религиозные споры, доходившие до конфликтов (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2258. Л. 32).

28 мая 1963 г. в 16 ч.10 мин. в Верховном суде республики был вынесен обвинительный приговор мюриду Касумбекову Касумбеку по ст. 102 УК РСФСР за убийство 22 апреля Алыпкачева Исы (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2422. Л. 82–84).

Также из проходивших по данному делу были осуждены за хулиганство двое мюридов и еще двое оправданы. Последователи шейха Амая, не сумев добиться оправдательного приговора по данному уголовному делу, после вынесения приговора Верховным судом ДАССР совершили вооруженную попытку освободить осужденных. Инициатором нападения выступил Темирбулатов А., которому якобы во сне шейх Амай приказал освободить осужденных. В результате нападения 2 нападавших были убиты на месте, 10 впоследствии задержаны, также в результате нападения погибли 2 сотрудника милиции (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2258. Л. 105, 175–191).

Репрессиям подверглась такж группа приверженцев шейха Кунта-хаджи, из которых наиболее известными были шейх Алиев Раджаб-Дибир из с. Ансалта Ботлихского района и Абасова Патимат из с. Нижний Инхо Гумбетовского района.

Девушкам и женщинам семей мюридов запрещалось участвовать в общественной жизни, ходить в кино, театр, учиться, слушать лекции и доклады. Дети мюридов не должны были посещать школу с 12–13-летнего возраста, вступать в пионеры, им предписывалось учиться чтению Корана и строго соблюдать все религиозные нормы (*Макамов И.А.*, 1965. С.24,31).

Отчитываясь перед секретарем Дагобкома КПСС А.А. Абиловым и.о. министра охраны общественного порядка ДАССР Г. Шайдаев указывал, что во исполнение постановления бюро Дагобкома «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания» от 6 марта 1964 г. перед участковыми, уполномоченными горрайотделов милиции была поставлена задача выявления негласно действующих молитвенных домов, святых мест и лиц, организовывающих религиозные обряды, шейхствующих лиц, знахарей и лиц, составляющих талисманы за плату. Было установлено наблюдение за поведением бывших членов ликвидированных суфийских братств Амая (Тарки, Кяхулай, Альбурикент и др.) и Кунта-Гаджи (Андийский участок) с целью предотвращения их активной деятельности.

Был установлен контакт работников милиции со школами по предупреждению обучения в семье детей школьного возраста Корану и другим религиозным обрядам (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 109).

Несмотря на противодействие их существованию, в 1960 г. в республике имелось 14 незарегистрированных религиозных групп, объединявших свыше 400 верующих (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1696. Л. 6).

В упорном противостоянии с властью, иногда находя общий язык с влиятельными правительственными чиновниками, некоторым религиозным объединениям в республике удавалось зарегистрироваться и добиться открытия мечетей в годы «хрущевской оттепели». Так, губденская мечеть была официально открыта 10 ноября 1956 г., таркинская – 17 мая 1957 г., аргвинская – 26 июня 1957 г. и уллубиаульская – 7 декабря 1958 г. Это были последние мусульманские объединения в Дагестане, которые успели легализоваться (Сулаев И.Х., 2009. С. 287).

Тем, кому было отказано в регистрации религиозной общины или в вопросах функционирования мечети, пытались решить свой вопрос непосредственно в Москве. Так, 15 февраля 1958 г. представитель гагатлинской религиозной общины Ботлихского района У. Баширов был принят сотрудником Совета по делам религиозных культов при СМ СССР Н.И. Смирновым по вопросу регистрации мусульманского общества (Сулаев И.Х., 2009. С. 291).

В ноябре 1960 г. в Махачкале прошла Всероссийская научно-теоретическая конференция по вопросу «Пережитки религии ислама и пути их преодоления». В докладе «Формы и методы научно-атеистической пропаганды в условиях Дагестана» председатель правления Дагестанского общества по распространению политических и научных знаний д.и.н. Хашаев указал, что в 1959 г. было прочитано 1807 научно-атеистических лекций, а за 10 месяцев 1960 г. – 4905, «Дагестанская правда» за 1959–1960 гг. напечатала 130 статей на атеистические и естественнонаучные темы (Дагестанская правда. 1960. 19–20. 22 ноября).

В Чародинском, Гергебильском, Акушинском, Ботлихском, Кизилюртовском, Буйнакском, Карабудахкентском и других районах кружки стали выступать с репертуаром, создаваемым участниками самих кружков, на местные темы с критикой суеверий и предрассудков.

Таковыми драматургами были Сагидов, работник ЦСУ Акушинского района, и Магомаев, секретарь Кахибского райкома КПСС. Сагидов написал одноактную пьесу на антирелигиозную тему «Мулла Гасан», а Магомаев – пьесу «Время не ждет» (Губаханова И., 1960. Махачкала. С. 16).

Также продолжалась литературно-атеистическая пропаганда в республиканской печати. Одним из ее проявлений явилось сатирическое четверостишие П. Малаева:

«О всемогущий мой аллах, –
Взмолился, заболел, мулла, –
Будь щедрым, позабудь обиды,
Пошли мне пачку стрептоцида!»

(Дагестанская правда. 1959. 14 июня).

Иногда доходило и до оскорблений. Так, в рассказе «Жить моему деду при коммунизме» Х. Авшалумов назвал человека, имевшего желание завести вторую жену, любвеобильным петухом (Дагестанская правда. 1961. 1 октября).

За 1961–1963 гг. по линии общества «Знание» было прочитано свыше 100 тысяч лекций.

Безнаказанностью было названо А.Д. Данияловым заключение духовенством браков по шариату, их занятия благотворительной деятельностью, а также создаваемые религиозниками препятствия для вступления в комсомол своих родственников и для учебы в школах девочек (Дагестанская правда. 1963. 23 ноября).

На пленуме Дагобкома КПСС А.Д. Даниялов заявил, что неприемлемо, когда религиозные пережитки проявляются в школах, в частности, когда ученики соблюдают пост –

уразу. Для выявления чего среди школьников велись опросы, а также им могло быть предложено выпить глоток воды.

Подчеркивалось, что в деятельности духовенства имеются 2 стороны: законная и незаконная. Законная сторона – это право вероисповедания. Другая, незаконная, сторона – это проведение верующими, главным образом муллами и попами, активной пропаганды религиозных взглядов среди людей, организация денежных сборов на религиозные нужды, церковной благотворительности, что должно строго пресекаться органами власти (Дагестанская правда. 1962. 1 февраля).

Наступление на верующих богоборцами продолжалось. В соответствии с постановлением Ботлихского райсовета от 19 сентября 1962 г. и с согласия на это Совета по делам религиозных культов при СМ СССР от 15 мая 1963 г. СМ ДАССР постановил закрыть мечеть в с. Анди Ботлихского района, и обязал Ботлихский райсовет принять меры по усилению атеистической пропаганды (Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991). 2007. С. 189).

Возмущенные андийцы несколько раз самовольно открывали мечеть и на протяжении некоторого времени продолжали исполнение в ней религиозных обрядов (Сулаев И.Х., 2009. С. 293).

В целях суживания деятельности духовенства в селении Губден уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ ДАССР Гасанов Хияс в октябре 1955 г. ходатайствовал перед СМ ДАССР о закрытии главной мечети, рассчитанной на 5000 прихожан (Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991). 2007. С. 176).

24 мая 1953 г. Сергокалинский райисполком ходатайствовал в СМ ДАССР о закрытии губденской мечети, но жители села не дали закрыть ее (Сулаев И.Х., 2009. С. 292).

К 1964 г. в Губдене, где около 90% населения соблюдали религиозные обряды, обязанности кадия исполнял А. Исмаилов, не имевший регистрации отправителя религиозных обязанностей и при этом ведший активную религиозную пропаганду (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2418. Л. 85).

К 1963 г. в республике сохранялась широкая суфийская практика, наиболее активными шейхами являлись:

- 1) Магомед-Имин – с. Каякент,
- 2) Гусейнов Магомед, Гляртинский район, с. Гоготли,
- 3) Наврузбек и Рагимов Абдулла, Табасаранский район, с. Хучни,
- 4) Миразаева Рукият, Левашинский район, с. Уллу-Ая,
- 5) Османов Ахмет, Левашинский район, с. Кулецма,
- 6) Алиев Раджаб, Ботлихский район, с. Ансалта,
- 7) Абдул-Меджид, Ботлихский район, с. Верхний Инхо (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2418. Л. 29).

Для ослабления позиций религии в республике уполномоченный по делам религиозных культов при СМ ДАССР М. Гаджиев в 1963 г. предлагал партийно-советским органам осуществить следующие мероприятия:

- 1) переместить ДУМСК из г. Буйнакса в г. Махачкалу;
- 2) принять решительные меры по запрещению чтению азана;
- 3) организовать в сельской местности похоронное бюро;
- 4) внедрять нерелигиозные праздники;
- 5) принять действенные, решительные и суровые меры, направленные на полную ликвидацию мюридизма (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2418. Л. 32–34).

Выполняя постановление бюро Дагобкома КПСС «О мерах по улучшению научно-атеистической пропаганды в республике» от 6 марта 1964 г., дагестанское отделение общества «Знание» на 1 июля 1964 г. прочитало 3543 лекции (в 1963 г. – 6605 лекций), в т.ч. в Хунзахском районе – 363, Кайтагском районе – 328, Унцукульском районе – 294, Ботлихском районе – 252, г. Буйнаксе – 761, г. Дербенте – 683.

Дагестанским отделением общества «Знание» за период с июня 1963 г. по июль 1964 г. было разработано и рекомендовано 14 текстов лекций:

1. Происхождение и сущность ислама – М. Вагабов;
2. Сущность пережитков ислама в отношении к женщине и пути их преодоления – М. Вагабов;
3. Научная критика Корана – М. Вагабов;
4. Культ святых в исламе – Г. Вагабов;
5. Реакционная сущность ислама – М.С. Гаджиев;
6. Формы и методы атеистической пропаганды – Макатов;
7. Религия – враг раскрепощения женщин – М. Раджабов;
8. Декрет о свободе совести и церкви – М. Раджабов;
9. О национальных традициях и новых обрядах народов Дагестана – М.М. Ихиллов;
10. Языком Корана – Умалатов А.;
11. Советское законодательство о культах – Муртазалиев О.;
12. Химия в борьбе с религиозными пережитками – Габиров М.М.;
13. Химия в борьбе с суевериями – Бежаев С.М.;
14. Борьба с вредными пережитками вредных обычаев – одна из важнейших задач коммунистического воспитания масс – Хидирбекова (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 13).

Выполняя постановление бюро Дагобкома «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания» от 6 марта 1964 г. Управление кинофикации при СМ ДАССР провело следующие мероприятия:

1) 12 марта 1964 г. за №27 издан приказ начальника Управления кинофикации при СМ ДАССР «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания»;

2) организован показ научно-атеистических фильмов с выступлением перед сеансами лекторов общества «Знание» в городах и районах республики. На 1 августа 1964 г. было проведено 533 сеанса, на которых присутствовало 79370 человек, прочитано лекций и проведено 183 беседы, по данным 15 районов республики.

3) разрешен показ по телевидению и бесплатная демонстрация в культурно-просветительских учреждениях и школах атеистических фильмов (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 97).

В Левашинском районе с января 1964 г. функционировал радиосеминар по атеистической пропаганде, на котором выступило 20 человек, и организовано 115 передач, были прочитаны 286 лекций, проведено 1370 бесед (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 67).

В Хунзахском районе за 1-е полугодие 1964 г. было прочитано более 145 лекций с охватом 15472 человек (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 84).

5 апреля 1964 г. секретарь Дагобкома А.Д. Даниялов на имя секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева, а 26 июня председатель СМ ДАССР М.С.И.Умаханов на имя председателя по делам религиозных культов при СМ СССР А.А. Пузина обратились с ходатайством о запрете чтения азана в населенных пунктах республики. Текст обращения был практически идентичен. Аргументация данного ходатайства была следующая:

1) молитва вне молитвенного дома противоречила пункту 9 «Инструкции по применению законодательства о культах», где было записано: «Религиозные объединения и служители культов не могут без разрешения исполкомов районных/городских Советов депутатов трудящихся устраивать религиозные шествия, совершать обряды и церемонии под открытым небом;

2 азан является открытой пропагандой религиозного фанатизма, регулярно 5 раз произносимой перед всеми верующими и неверующими данного населенного пункта;

3 азан 5 раз беспокоит население, подавляющее большинство которого не желает слушать крики непонятной им и внушающей детям страх молитвы (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 2–6).

В годы оттепели верующие стали более открыто предъявлять свои претензии к муфтиям и кадиям, которые порой своими действиями дискредитировали религиозные общины. Так, муфтий М.-Х. Курбанов обвинялся верующими в разжигании межнациональной розни и в навязывании не пользовавшихся доверием общины кадиев. Также большие

претензии к М.-Х. Курбанову предъявлял уполномоченный Совета по делам религиозных культов Гасанов Хияс. В своей докладной записке председателю СМ ДАССР М.-С.И. Умаханову и секретарю обкома КПСС А.Д. Даниялову 14 января 1957 г. он жаловался на то, что муфтий М.-Х. Курбанов среди верующих мало пользуется авторитетом, не ведет никакой работы среди служителей культа и верующих и в то же время проявляет большую заинтересованность в сборе общественных средств для ДУМСК и себя (Сулаев И.Х., 2009. С. 245), хотя на факт получения самим Гасановым Хиясом взяток с населения, за обещание открытия мечети было указано в докладной записке на имя А.Д. Даниялова председателем КГБ при СМ ДАССР Сухомлиновым от 14 мая 1958 г. (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1343. Л. 52).

Не учитывая факта глубокого переплетения религиозных, культурных и морально-этических норм, партийно-советские органы сталкивались как с открытым вооруженным противодействием богоборческой деятельности, так и с латентным соблюдением норм и положений шариата самыми разными прослойками населения.

Так, в фельетоне «За старой стеной» журналиста В. Горбача сообщалось, что председатель горисполкома К.Г. Пашабеков, а также другие члены горкома партии – Г. Абдурагимов, А. Теймуров, Э. Расулов и другие коммунисты участвовали в похоронах коммуниста Р. по мусульманскому обряду, а также то, что К. Пашабеков, секретарь Дербентского райкома партии Али Мамедович Садыков и заведующий отделом пропаганды и агитации Дербентского райкома Нуратдин Сафаров хоронили по религиозному обряду мать Нуратдина Сафарова (Дагестанская правда. 1954. 29 августа).

22 июня 1964 г. в с. Миарсо Ботлихского района по религиозному обряду было роздано мясо 3 овец. За участие в данном мероприятии парткомом КПСС из ее рядов был исключен Абдулмаджидов Магомед, а секретарь первичной парторганизации Османов и председатель Сельсовета получили взыскание (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 50).

Доходило и до невеселых курьезов. В конце мая 1964 г. на стенах двух домов с. Чох Гунибского района были вывешены угрозы смертной казни учителю Саламову Джафару за его антирелигиозную пропаганду (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2422. Л. 114).

Несмотря на все мероприятия партийно-советских органов власти, в 1965 г. наблюдался рост посещения верующими мечетей. На 26 марта мечети посетило более 1200 человек. В день праздника Ураза-байрама махачкалинскую мечеть посетило более 2300 человек, в поселке Тарки, Альбурикенте, Кяхулае, Ленинкенте посещаемость в школах в этот день не превышала 50% (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 113), что говорило не только о сохранении религиозности у населения республики, но и о некотором его укреплении за период «оттепели».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Губаханова И., 1960. Расцвет культуры народов Дагестана. Махачкала.
Макатов И.А., 1965. Религиозные группы Амая и Кунта-Хаджи. Махачкала.
Макатов И.А. Гамзаев Ш.Г. Муслимов С.Ш., 1977. Религиозные пережитки и атеистическое воспитание молодежи. Махачкала.
Власть и мусульманская религия в Дагестане (1917–1991). Документы и материалы. 2007. Махачкала.
Сулаев И.Х., 2009. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала.
Хашаев Х.-М., 1957. Пережитки шариата и вредных адатов и борьба с ними. Махачкала.
Дагестанская правда. 1954. 30 июля.
Дагестанская правда. 1954. 29 августа.
Дагестанская правда. 1954. 13 ноября.
Дагестанская правда. 1955. 28 августа.
Дагестанская правда. 1956. 10 апреля.

Дагестанская правда. 1958. 19 марта.
Дагестанская правда. 1959. 10 июня.
Дагестанская правда. 1959. 14 июня.
Дагестанская правда. 1959. 18 ноября.
Дагестанская правда. 1959. 12 декабря.
Дагестанская правда. 1959. 26 декабря.
Дагестанская правда. 1960. 19 ноября.
Дагестанская правда. 1960. 20 ноября.
Дагестанская правда. 1960. 22 ноября.
Дагестанская правда. 1961. 1 октября.
Дагестанская правда. 1962. 1 февраля.
Дагестанская правда. 1963. 23 ноября.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 87. Л. 215, 216.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 96. Л. 47.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 97. Л. 20.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 555. Л. 116–118, 119, 120, 124–125.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1058. Л. 7–8.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1343. Л. 52.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1345. Л. 21–29, 52.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1495. Л. 23, 24–27, 107, 110.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1691. Л. 81, 82.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1696. Л. 1–6.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2258. Л. 32, 105, 175–191.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2418. Л. 29, 32–34, 85.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2422. Л. 82–84, 114, 129–133.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2459. Л. 2–6, 13, 50, 67, 84, 97, 109, 113.
ЦГА РД. Ф. р-1252. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; Д. 14. Л. 93.